

Решения Бюро Всемирного Совета Мира

С 23 по 25 июня в Париже проходили заседания Бюро Всемирного Совета Мира. Члены Бюро заслушали доклад председателя Всемирного Совета Мира Фредерика Жолио-Кюри о деятельности сторонников мира в борьбе за разоружение. В опубликованном после заседаний коммюнике говорится, что Бюро Всемирного Совета Мира считает необходимым вдумчивый пересмотр условий и методов борьбы за мир в свете ослабления международной напряженности. Бюро Всемирного Совета Мира решило произвести этот необходимый пересмотр своих методов для того, чтобы облегчить контакт со всеми другими организациями, выступающими за укрепление мира и за разоружение.

Бюро Всемирного Совета Мира опубликовало также заявление, в котором подчеркивается благоприятное влияние международной разрядки на отношения между народами и правительствами, но вместе с тем обращается внимание на продолжение гонимости вооружений и опытов с атомным оружием.

Бюро Всемирного Совета Мира заявило о своей готовности поддерживать постоянный контакт со всеми другими организациями, выступающими в защиту мира. В заключение Бюро призывает все миролюбивые силы совместно развернуть широкую кампанию, которая «поможет правительствам и ООН выйти за рамки заявлений о намерениях и достигнуть, наконец, соглашения, которых ожидают все народы».

НА ТЕМЫ ШЕСТЬ ПЯТИЛЕТНИ

Что такое МСС?

В каждом районе обязательно есть машинно-тракторная станция, в некоторых — машинно-мелиоративная станция. Не удивительно, что такие сокращенные названия, как МТС и ММС, давно уже вошли в наш разговорный язык.

А вот что такое МСС?

Впервые мы услышали это название в колхозе имени Маленкова Кнево-Святошского района. Понтересовавшись, сколько трудодней заработали колхозники одной из бригад, мы за несколько минут получили у бухгалтера Артема Сидоровича Богданенко самые исчерпывающие сведения: количество трудодней, заработанных колхозниками за последний месяц и с начала года, объем произведенной ими работы и даже затраты трудодней по отдельным культурам. При этом эти аккурратные ведомости мы получили о том, какая вышестоящая бухгалтерия потребовала колхозу.

И были очень удивлены, узнав, что во всех бригадах давно уже нет учетчиков, а весь штат колхозных счетоводов состоит из бухгалтеров и старшего учетчика.

Безмолвный «учетчик», который мог бы порадовать любого придирчивого ревизора, достигнут здесь благодаря МСС.

Расшифруем эти три буквы — машинно-счетная станция. Она работает второй год при Кнево-Святошской МТС и обслуживает 14 колхозов.

Круто идет на подъем сельское хозяйство Украины. Все больше дает она стране продуктов земледелия и животноводства. Колхозы широко вводят ежемесячные авансы, оплачиваемые отпуском, плату по аренде непродуктивных земель, пеней по старым труду. Трудно приходится колхозным бухгалтерам — работы по горло, но все справляются с нею. Поэтому и родилась мысль о создании МСС.

Вот ее основное назначение: на двенадцатичасовом «Счетно-перфорационном цехе», «Счетно-аналитическом цехе». Входя в цех и видя счетные машины, производящие сложные, многоступенчатые операции. Эта опытная машинно-счетная станция механизировала весь учет в колхозах и МТС.

Бригада заносит в стандартную ведомость название культуры и выполняемую работу, их объем, фамилию, имя и отчество колхозника, число выходов на работу и количество произведенных часов. Старший учетчик колхоза, получив из бригады ведомость, сшивает их и шифрует (все сведения должны быть выражены не в словах, а в цифрах). Вместо фамилий, имени и отчества колхозника

он записывает номер его лицевого счета, а вместо названия культуры — условный номер. Вот, собственно, и все, что требуется от колхозной бухгалтерии.

Теперь зашифрованная ведомость поступает на МСС — в «Счетно-перфорационный цех», где эти данные переносятся на специальную, так называемую перфорационную карточку. Затем карточка поступает в «Счетно-аналитический цех», где проходит через табулятор, — может быть, самую умную из всех этих машин. Табулятор выводит итог и печатает его на бумажной ленте — табуляграмме.

Открытые от ленты табуляграммы полосу, вклеивает ее в трудовую книжку колхозника, и у вас готовы все необходимые сведения о его работе.

Кроме заполнения трудовых книжек, МСС готовит для колхозов квартальную и месячную ведомости табуляграммы: один из них заменяют «Книгу учета трудодней», другие вышиваются в правлении, каждый колхозник может узнать, сколько трудодней начислено ему за месяц и с начала года; третий вид месячных ведомостей показывает затраты трудодней по тем или иным культурам.

Небольшой коллектив опытных машинно-счетных станций — здесь работает всего 14 человек — продолжает поиски более простых и рациональных методов учета в колхозах.

К. ГРИГОРЬЕВ

Киево-Святошинский район, Киевской области.

На снимке: в «Счетно-перфорационном цехе» МСС.

Фото Я. Павлоцкого

КАКИЕ новые фильмы увидят советские зрители в июле? На этот вопрос отвечают сообщения наших корреспондентов, побывавших в кинопрокатных организациях и на киностудиях.

ТРИ НОВЫЕ КАРТИНЫ

Июль будет богат новыми советскими фильмами. На экранах мы увидим три картины.

Советским читателям хорошо известны роман Константина Федина «Первые радости». Герои этого романа — Иван и его учитель, надвывая рабочий Петр Рагозин.

В июле на экраны выйдут три картины: «Первые радости» (режиссер В. Васов), «Моя дочь живет в Вене» (режиссер В. Васов), «Мир за Галицей» (режиссер В. Васов).

В июле на экраны выйдут три картины: «Первые радости» (режиссер В. Васов), «Моя дочь живет в Вене» (режиссер В. Васов), «Мир за Галицей» (режиссер В. Васов).

Кадр из фильма «Первые радости»: К. Извеков (артист В. Коршунов), Лиза Мешкова (артистка Т. Конохова).

ЗРИТЕЛЬ ЖДЕТ...

На территории Всесоюзной сельскохозяйственной выставки открылся новый широкоэкранный театр — третий в Москве и девятый в стране. Широкоэкранные фильмы могут смотреть не только жители Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Харькова, Днепрпетровска и Астрахани. В недалеком будущем и ним присоединятся жители Одессы, Ялты, Симферополя. В Министерстве культуры СССР предполагают, что к концу года достигнет количество городов, где будут широкоэкранные театры, до пятидесяти.

Но вот какие новые художественные картины будут показаны в июле или хотя бы до конца лета? Выясняется, что новых фильмов нет.

На киностудиях сейчас производятся съемки для широкого экрана. Шестая картина — «Мир за Галицей», «Пролог», «Дон Кихот», «Афанасий Никитин», «Поэма о море» и «Команде по мумиям» идет подготовка к съемкам. В июле на экраны выйдут картины: «Мир за Галицей», «Пролог», «Дон Кихот», «Афанасий Никитин», «Поэма о море» и «Команде по мумиям».

В июле на экраны выйдут три картины: «Первые радости» (режиссер В. Васов), «Моя дочь живет в Вене» (режиссер В. Васов), «Мир за Галицей» (режиссер В. Васов).

В июле на экраны выйдут три картины: «Первые радости» (режиссер В. Васов), «Моя дочь живет в Вене» (режиссер В. Васов), «Мир за Галицей» (режиссер В. Васов).

В июле на экраны выйдут три картины: «Первые радости» (режиссер В. Васов), «Моя дочь живет в Вене» (режиссер В. Васов), «Мир за Галицей» (режиссер В. Васов).

В июле на экраны выйдут три картины: «Первые радости» (режиссер В. Васов), «Моя дочь живет в Вене» (режиссер В. Васов), «Мир за Галицей» (режиссер В. Васов).

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 76 (3577)

Четверг, 28 июня 1956 г.

Цена 40 коп.

М. ПРИШВИН

Дорога к другу

Чувство современности

По-моему, каждый настоящий талант содержит в себе чувство современности, и как птица на перелете верно направляется в огромном пространстве с Новой землей в Центральной Африке, так и писатель движется во времени, как птица в пространстве, и не писателя вне современности, хотя бы он писал о египетских пирамидах или о ластике осыни, трещащем на своем стебельке.

И вот, когда перелистываешь странички дневников, и вдруг задерживаешься, и хочешь сделать из какой-то странички рассказ, то в выборе материала рвется это чувство современности. (1951 г.)

Разве перелетная птица, направляясь с севера в Африку, пользуется счетом и мерой пути по карте? Так и писатель в самом таланте своем хранит чувство современности. Не знаю, как сейчас в науке, найден ли в организме птицы орган, помогающий птице определяться в полете. Я оставил науку в то время, когда еще механизм этот в птице не был открыт.

Но речь идет у нас не о птице, а о человеке, художнике слова: нельзя ли художнику слова разобраться в себе и ответить на вопрос: как он определяется во времени, чтобы в своем полете спутаться именно тогда, где живут его современники? Другими словами: можно ли художнику, разбираясь в своем творчестве, пропустить свойственный ему орган чувства современности? Или вопрос этот, как птичий полет, у птицы крылатый, а она летит в Африку, у художника талант, и он через это становится современным.

И даже больше: во всяком настоящем таланте содержится неведомый нам орган самоопределения художника в современности. (1951 г.)

...Чувство современности, как я его понимаю, в повседневно практике указывает на то, что самое главное, возле чего ходит душа. В этом чувстве встречается и определенное нужное слово со всей его музыкальной и смысловой. Очень похоже, как если бы душа была раскрытый цветок, и современное слово, как мушка, садилась бы на край цветка, и он бы захлопывал бы мушку-слово, и оно бы потом соединилось со всем организмом цветка.

Я так представляю себе орган, определяющий писателя в отношении современности. Будет ли когда-нибудь этот орган открыт, и нужно ли его открывать? Современность является после длительного упражнения в душе художника ощущением, как ощущение воздуха бегущему на лыжах, как вода скоростному гребцу, как лес — охотнику.

Можно ли что-нибудь написать прочное в современности? (1951 г.)

Я утверждаю в современности не по башенным часам, а в том, как в эту близкую текущую механическую минуту ча-

Из литературного наследия

сов вкладывается моя собственная живая душа. Часы — это счет, дневник — моя личная жизнь в отношении к современности.

После, когда из нас, живых современных людей, ничего не будет, история нашу жизнь разложит и будет нас, мертвых, судить по дням и часам (хронология). Но их мертвые люди не будут современными.

Живой человек отличается от мертвого тем, что он, как живой, непременно единственный, и другого такого точно нет и не может быть на земле.

Образ есть слово отличия, есть голос единственного. (1951 г.)

На людей смотрю и думаю, что они живут во времени и пройдут вместе со временем, что временно. Люди современные — это те, кто господствует над временем.

Так, например, Нексипири гораздо современнее нас, чем Н. до того следящий за временем, что вчера он высказался положительно по пьесе без конфликтов, а сегодня услыхав что-то и пишет за конфликт. (1952 г.)

Близкий друг

До последней крайности надо бережиться пользоваться фило-софическими понятиями и держаться языка, которым переписываемся со всем с близким другом, понимая всегда, что этим языком мы можем сказать больше, чем тысячи лет провалялись сказать что-то философы и не сказали.

В жизни кроме меня действует другой человек, и путь к этому другу и есть наш жизненный путь. (1951 г.)

Бывает так, что пишешь о чем-нибудь, представляешь себе, что это пишется к другу. И пусть он, этот друг, прихотит к вам. Вы, конечно, не пишете: друг здесь, — вы ему все говорите, — больше! мы сговорились: вы и друг ваш — одно. И что же? Тут бы и кончалась творчество, а оно не кончается, напротив, соединенные в одно существо, вы взовете, как единый человек, опять единый, опять ищите друг друга...

Есть люди, у кого много детей было, и они все хотят их родить еще и еще. Так мы хотим друга, такого большого, чтобы он обнял собою всю природу, всю жизнь. (1951 г.)

Не надо искать опоры себе в людях отдаленных: друг живет не в отдаленности, а в целом человеке, когда он, собравшись, слышит живое слово и кричит, и хлопает руками от радости, или когда-то и где-то шепнул вам задушевно слово, или выглянул глазом из толпы.

Или вот против вас там в вагоне сидит и глядит куда-то в даль с какой-то мыслью, а слышишь с той стороны лица раззолотило кузри, и один ресничкой того глаза тоже светятся вместе с кузрями.

Ничего-то не нужно ей, этой милой зюшке, от вас, и вы тоже боитесь спугнуть ее даже своим взглядом, но оба где-то в себе разлуется, что вместе куда-то едете в один и тот же чудесный весенний день лаской жизни. (1951 г.)

Люди, как река текут. И чтобы хорошо написать, ты пишешь в уединении, но чувствуешь текущую реку.

Запереться можно и надо от шума, от помех, но от жизни нельзя запереться, ты должен слышать постоянное течение. (1952 г.)

Среди людей на улице плещь и сосредоточенно думаешь о своем, о себе. И вдруг что-то случится, и увидишь их. То же и в лесу: вдруг застанешь жизнь без себя, слив-березки сами. И вот это «самим» и надо считать высшим моментом творческого создания. (1952 г.)

В этом и состоит авторство, как движение: я поручаю начатое мною делать другому, а сам проваляюсь вперёд.

Куда же «вперед»?

Вперед — это к тому месту, где уже все понимают, что и к чему они делают, где каждый ничтожный работник понимает свое значение в общей работе, знает, что без него не обойтись, что на своем месте он тоже сам, тоже автор.

Мне кажется, что каждый настоящий творец в своем творчестве всегда чувствует существование всеобщего очага творчества и свое движение вперед понимает, как движение сознания к этому очагу всеобщего творчества. (1953 г.)

О дневнике

Дневник — это способ сосредоточиться на чем-нибудь и привлечь его к жизни к себе на помощь. Старушка сосредотачивается, когда вяжет чулок, писатель, когда пишет дневник.

Кто-нибудь со стороны вас спросит: «Ну, что вы об этом скажете?». Вы отвечаете: «Позвольте мне об этом немного подумать». И вот этот самый отпущен на время к себе самому, чтобы сосредоточиться, определиться, самому разобраться, найти смысл происходящему времени, — и есть то, что мы называем дневником. (1951 г.)

Надо писать дневник так, чтобы личное являлось на фоне великого исторического события, в этом и есть интерес мемуаров. А события исторические есть всегда, если же нет сейчас видимого, то нужно найти невидимое. (1952 г.)

Была я стала заниматься писанием, то самое лучшее на первых шагах мне было в том, что являлся жизнь всюду: где я, там и жизнь. Так вот и надо писать дневники, чтобы это чувство жизненной вселенности и, может быть, некоторой своей личной власти над этим и удовлетворение тем, что я вхожу у себя, насыщаю дневник. (1952 г.)

Шторм на новом море

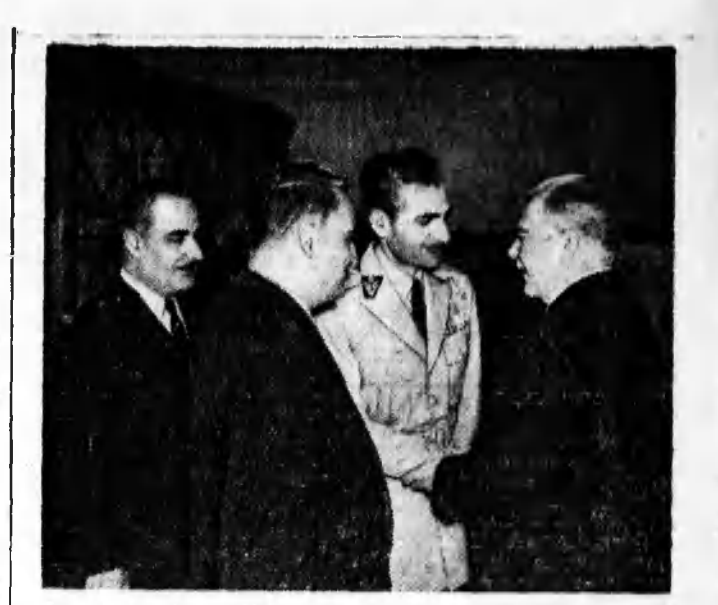
Начальная строительная эпопея старушки, разъярил ей, что вместо оврагов создали строители плотину и половецкие теперь никому не угрожает.

А воду, бабушка, мы еще выше, чем в двадцать шестом, поднимем.

Сегодня Куйбышевское море разлилось на сотни километров и стало одним из самых больших искусственных водохранилищ нашей страны.

Высоко над молодым морем стоит в союзов бору портовый поселок строителей. Сюда любуются величественной панорамой моря собираются толпы жителей левого берега. Место, где стоял Старовол, почти полностью ушло под воду.

Гидростроителям предстоит в этом году набрать еще один метр воды, доведя водохранилище до 46-й отметки, то есть выше уровня наводнения двадцать шестого года. И это не все. В будущем году Куйбышевское море займет площадь в 6000 квадратных километров, и тогда вода подымет-

Шашиншах Ирана Мохаммед Реза Пахлави и шахиня Сорейя 26 июня посетили Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, осмотрели павильоны и расположенную на территории ВСХВ Всесоюзную промышленную выставку. Затем иранские гости побывали в Московском государственном университете имени Ломоносова и познакомились со структурой университета, составом студентов и организацией занятий.

Шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пахлави нанес в тот же день визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову.

На снимке: К. Е. Ворошилов обменивается рукопожатием с шахиншей Ирана Мохаммед Реза Пахлави.

Фото В. Савостьянова

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Культурные контакты СССР — ГДР

Беседа с композитором Т. Н. Хренниковым

В Москву после двухнедельного пребывания в Германской Демократической Республике вернулся композитор народный артист РСФСР Т. Н. Хренников. Он посетил ГДР по приглашению Министерства культуры Германской Демократической Республики в связи с постановкой в Дрезденском государственном оперном театре его оперы «В бурю» и намерен посетить там же постановку его оперы «Мать», которая будет показана в дни сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции.

— Мое пребывание в Дрездене, — сказал Т. Н. Хренников, — совпало со знаменательными днями юбилейных торжеств — 750-летия города. К этой дате, как известно, было приурочено открытие Дрезденской картинной галереи в прежнем помещении.

Т. Н. Хренников рассказывает о проявлениях чувства благодарности германского народа советским людям, спасшим и сохранившим бесценные сокровища. Эта благодарность нашла свое яркое выражение и в новом произведении композитора Отмара Герстера. Открытию Дрезденской галереи посвящена его симфония «Картины Дрездена». Она написана в жанре «Картина» с выставкой Мусоргского и начинается цитатой из этого произведения гениального русского классика.

Коснувшись музыкальной жизни ГДР и в частности, постановки оперы «В бурю» в Дрездене, Т. Н. Хренников рассказывает:

— Интерес к оперной музыке в Германии исключительно велик. Достаточно отметить, что в ГДР постоянно работают 88 оперных театров. Они обслуживают население не только городов, но и выезжают в сельские местности.

Один из лучших оперных театров страны — Дрезденская государственная опера. С ней связаны многие замечательные страницы истории мировой музыкальной культуры. В Дрезденской опере дирижировали Карл-Мария Вебер, Рихард Вагнер, Артур Никши и другие великие музыканты. Мы по-счастливости посмотрели в постановке этого театра чудесный вагнеровский спектакль — «Летучий голландец». В репертуаре театра 48 оперных и балетных произведений мировой классики и современных композиторов. Чтобы охарактеризовать методы работы этого театра, я хотел бы привести один лишь пример: перед каждой премьерой театр собирает у себя культурфunktionеров, представляющих разнообразные трудовые коллективы города. Их подробно знакомят с новым произведением, с творческими замыслами постановщиков, с работой артистов над образами и т. п. Эти функции, в свою очередь, проводят беседы в своих коллективах, самым заранее пробуждая интерес к постановке. Не приходится удивляться, что театру неведомы «кассовые» затруднения, билеты, как правило, распродаются за месяц до спектакля.

Понятно, — продолжает Т. Н. Хренников, — какое большое удовлетворение я получил от постановки моей оперы в этом театре. Ни музыкальный руководитель и дирижер спектакля Рудольф Нейхаус, ни постановщик Альфред Эйхгорн, ни художник Отто Грейбман ни разу не были в Советском Союзе, но им удалось создать спектакль, поставленный в лучшей реалистической манере. Самой большой похвалы заслуживает вокальное и драматическое мастерство исполнителей.

Интерес в Германии к нашей музыкальной культуре очень велик. Во время моего пребывания в ГДР в Берлине с большим успехом выступал симфонический оркестр Ленинградского государственного филармонии под управлением Е. Мравинского и К. Зандерлинга, скрипка Давид Ойстрах.

Это лишь один из многочисленных эпизодов постоянных дружеских связей между музыкантами ГДР и СССР. В Берлине и других городах ГДР сейчас, например, с успехом идут балеты С. Прокофьева «Ромео и Джульетта» и А. Хачатуряна «Галатhea». Часто и у нас исполняются произведения современных немецких композиторов О. Герстера, Э. Майера, А. Ларзена, Г. Кохана и других. Время от времени СССР посылает и музыканты-исполнители из Германии, у всех этих сценических впечатлений от такого необычного события музыкальной жизни, как исполнение у нас цикла бетховенских симфонических концертов под управлением немецкого дирижера Германа Абендтота. Торжественные дни в Дрездене были, и сокращенно, омырены печальным известием из Веймара, где на 73-м году жизни скончался этот выдающийся немецкий дирижер.

— С руководителями Союза композиторов ГДР, — говорит в заключение Т. Н. Хренников, — я имел приятные продолжительные беседы, в ходе которых выявилось взаимное искреннее желание расширить и еще больше развить наши творческие связи.

Надеюсь, что нам это удастся осуществить в самое ближайшее время.

В июле — на киноэкранах

РАБОТА ДОКУМЕНТАЛИСТОВ

Как всегда, в июле обильно будет представлена на экранах работа кинодокументалистов и студий научно-популярных фильмов.

Кроме очередных выпусков кинохроники, зрители увидят несколько интересных документальных картин. Так, Ленинградская студия кинохроники, посвящая очерк «Путь и профессия» — о молодежи, идущей на учебу в заводские технические училища.

В июле на экраны выйдут три картины: «Первые радости» (режиссер В. Васов), «Моя дочь живет в Вене» (режиссер В. Васов), «Мир за Галицей» (режиссер В. Васов).

ФИЛЬМЫ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

В три смены — круглогодично — дублируются зарубежные фильмы на киностудии имени Горького. В настоящее время в разном стаде производится несколько десятков документальных картин. Первые дублируются с белгийскими и греческими фильмами.

В июле, — рассказывает корреспондент «Литературной газеты» — заместитель директора киностудии Н. Кива, — на экранах будут демонстрироваться две югославские кинокартины: «Решающие минуты» и «Загубленные жизни». Выходят на экраны австрийская кинооперация «Моя дочь живет в Вене», два фильма производства «Дефа» (Германская Демократическая Республика): «Рассказы о людях из стали» и «Доктор Роберт манер» — о судьбе талантливого человека, который посвятил свою жизнь науке, открытию Рентгена. В июле выйдут на экраны венгерский фильм «Кружка пива».

РУБЕЖА

Все новые фильмы, безусловно, будут хорошо приняты зрителем. Каждый из них имеет замечательный сюжет, высокое исполнительское и режиссерское искусство. Дало в том, что сама тема фильма весьма актуальна. В нем разоблачается убогий, душный мир «золотой» молодежи, так называемых «стиляги». Это о строгой и чистой юности, дружбе и любви, столкнувшейся с пошлостью, с легким, бездумным отношением к жизни. В фильме играет талантливая молодая Венгрия: к ее дублированию мы привлекли наших молодых актеров.

Какие наиболее значительные фильмы дублируются на киностудии сейчас? — Скоро будет сделан в прокат новый индийский фильм «Человек 420» с участием Радха Капура. Замечательный производством и второй новый индийский фильм «Мирза Галиб», посвященный творчеству великого индийского поэта, прозвонившего философа середины двадцатого века. Роль Мирзы Галиба исполняет Бхарат Бхушан, известный советским зрителем по фильму «Вайдиу Бавар». Присоединяется к дублированию греческого фильма «Фальшивый мир», бельгийского — «Чайки умирают в гавани», финского — «Правосудие» и «За спичками». В разном стаде производится венгерский фильм «Кружка пива» — о лейпцигском процессе.

Кадр из австрийской кинокомедии «Моя дочь живет в Вене».

Государственное издательство художественной литературы готовит и печатает новое издание книги Максима Горького «Жизнь Ильяса Самгина» с иллюстрациями художника П. Алкиридиса. На снимке: иллюстрация из книги.

Приветствие П. Замойскому

В связи с шестидесятилетием Петра Ивановича Замойского президент Московского писательского объединения обратился к нему с приветствием, в котором отметил, что уже рассказы «Барская планета» свидетельствовали о появлении одаренного, величественно знающего жизнь крестьянства писателя.

26 ЮНЬА исполнилось 60 лет известному советскому писателю Петру Замойскому.

Путь П. Замойского к революционной правде был нелегким, но прямым. Сама жизнь — тяжелая, беспросветная жизнь деревенского парня из семьи бедняков — привела его в лагерь революции, в ряды партии большевиков.

Твердо встав на позиции ленинской правды, уверовав в правильность той дороги, на которую звали крестьянство коммунисты, П. Замойский не только практически борется за эту правду, но и стремится к ней рассказать. Жизнь и борьба в деревне в историческом 1917 году, партийная и советская работа в уезде в первые послереволюционные годы переполнили его впечатлениями, опытом.

В своих рассказах, очерках и повестях он обращается к жизни и быту старой, деревенской, а также современной, советской деревни. Он описывает тягостное крестьянское существование до революции, лихие нравы, беспросветную нужду, изображает многочисленные факты проникновения нового в деревню и в то же время разлагает живучесть обломков старого быта, косных обычаев, дедовских привычек.

С самого начала своей литературной деятельности писатель стремится к правде, к реалистичности. Но правдивость ранних произведений П. Замойского еще весьма ограничена: это во многом случаи правды, а не обобщения.

В одной из своих статей М. Горький писал: «Факт — еще не вся правда, он — только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства... Нужно научиться выщипывать не существенные опрережения факта, нужно уметь извлекать из факта смысл». В 20-е годы Замойский еще очень неумело извлекал настоящую правду искусства из имевшегося у него богатого сырья.

Многие его рассказы ах так не содержат сколько-нибудь существенного художественного обобщения, носят оттенок натуралистического копирования жизни. Бедным был в то время и запас художественных средств писателя: герои его произведений были нарисованы зачастую слишком прямолинейно, одной краской.

П. Замойский работал долго, упорно (первая книга «Семья» вышла в 1929 г., вторая — «Левый Дол» — в 1930 г., третья — «Поворот» — в 1932 г., четвертая — «Столбовая дорога» — в 1936 г.).

Окончание романа знаменательно: собой серьезно творческую победу писателя. Замойский сумел наглядно и убедительно воссоздать ту упорную, повседневную

ДОРОГОЙ ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА

Д. НИКОЛАЕВ

Путь П. Замойского к правде был нелегким, но прямым. Сама жизнь — тяжелая, беспросветная жизнь деревенского парня из семьи бедняков — привела его в лагерь революции, в ряды партии большевиков.

Твердо встав на позиции ленинской правды, уверовав в правильность той дороги, на которую звали крестьянство коммунисты, П. Замойский не только практически борется за эту правду, но и стремится к ней рассказать. Жизнь и борьба в деревне в историческом 1917 году, партийная и советская работа в уезде в первые послереволюционные годы переполнили его впечатлениями, опытом.

В своих рассказах, очерках и повестях он обращается к жизни и быту старой, деревенской, а также современной, советской деревни. Он описывает тягостное крестьянское существование до революции, лихие нравы, беспросветную нужду, изображает многочисленные факты проникновения нового в деревню и в то же время разлагает живучесть обломков старого быта, косных обычаев, дедовских привычек.

С самого начала своей литературной деятельности писатель стремится к правде, к реалистичности. Но правдивость ранних произведений П. Замойского еще весьма ограничена: это во многом случаи правды, а не обобщения.

В одной из своих статей М. Горький писал: «Факт — еще не вся правда, он — только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства... Нужно научиться выщипывать не существенные опрережения факта, нужно уметь извлекать из факта смысл».

В 20-е годы Замойский еще очень неумело извлекал настоящую правду искусства из имевшегося у него богатого сырья. Многие его рассказы ах так не содержат сколько-нибудь существенного художественного обобщения, носят оттенок натуралистического копирования жизни.

Бедным был в то время и запас художественных средств писателя: герои его произведений были нарисованы зачастую слишком прямолинейно, одной краской. П. Замойский работал долго, упорно (первая книга «Семья» вышла в 1929 г., вторая — «Левый Дол» — в 1930 г., третья — «Поворот» — в 1932 г., четвертая — «Столбовая дорога» — в 1936 г.).

Окончание романа знаменательно: собой серьезно творческую победу писателя. Замойский сумел наглядно и убедительно воссоздать ту упорную, повседневную

художественно глубокого изображения народа в бездарирированной хронике. Интересно замечание Н. Муратовым в начале романа «Кодры» образы секретаря укома, руководителя партизанского отряда Кожухара, Василья Даринку, его детей — Наташи, Андрея, Иланы и многих других в последующих частях романа

ничем существенно не дополнены. С хроникальной безгласностью обзавелась жизнь советского тыла, его трудовые и жилищные будни; кинематографически стремительный темп повествования часто переходит прямо-таки в «хроникальный галоп».

Видно, что Н. Муратов задумывал эпическое повествование о партизанской войне в модаевских лесах, в кодрах, олицетворяющих сердце и душу непокоренной и непокоримой Советской Молдавии. Но хроникальный, фрагментарный многих глав, излишне обилие газетной публицистики, разбавление в ней единого стройного сюжета серьезно помешали писателю.

В отсутствии ясного сюжетного центра, связанного с судьбой человека, влчм мы находимся в суждении о многих выходящих сегодня произведениях о партизанской войне. С этой точки зрения нам кажутся «типическими» во всех отношениях повести М. Наумова «Стенной рейд» и Г. Щербатова «Есть на свете Москва».

В них отразились и сильные и слабые стороны «партизанской» литературы: много новых интересных фактов из боевой будней партизанской войны и отсутствие по-настоящему художественного их обобщения.

М. Наумов располагает прекрасным материалом, он мог бы ввести читателя в мир больших характеров и человеческих отношений. Интересные судьбы людей, каждая из которых могла стать содержанием великодушного романа или повести, заслоняются, однако, «стенным рейдом». Мы не успеваем сосредоточиться на судьбах Феди Лобача, Володи Туркова, радистки Ани, покаять их характеры, а автор ведет нас по степи, через горячую бол и сложные переправы — все дальше и дальше. Они повторяются, заменяют друг друга, а люди — партизаны, командиры и политработники — прохлзает перед читателем какой-то однообразной массой. Они подавляют

и зализать помещицы поля и усадьбы. Жизнь, сама жизнь толкает крестьян на единственно правильный путь — путь борьбы за свои права, за землю, за правду. Самые различные люди втягиваются в эту борьбу, начиная с бывших фронтовиков, участников русско-японской войны, и кончая старым пастухом Федором. Герои раскрываются в острейших столкновениях с представителями властей, в замечательных написанных массовых сценах (особенно впечатляюща сцена сбора ползателей и недоимок, а также выматывание карателей над мужиками). Активными борцами за землю, за справедливость становятся крестьяне, руководимые Харитоном — революционером, связанным с рабочими, с большевиками. Мы видим, что революция пробуждает сознание самых отсталых, самых забытых мужиков.

Главный герой книги — подпасок Петля Назаров — растет, развивается на наших глазах, вместе с ходом событий. Его воспитывают жизнь, революция. Петля настойчиво тянется к знаниям, к свету, он упорно стремится познать, почему беднякам земли «не хватает», в то время как у барина — обширные поля, которые могли бы прокормить не одно село; старается уяснить себе, что такое «вода», и т. д. и т. п. Он проникается большим доверием к Харитону, жадно ловит каждое его слово, всеми силами помогает ему и другим «бунтарям».

Сделав главным героем книги о революции 1905 года подростка, от лица которого и ведется повествование, П. Замойский поставил перед собой сложную художественную задачу. Ведь при такой роде форма зачастую получается так, что писатель, «увлеченный» своим юным героем, заставляет его играть неминуемо значительную роль в совершающихся исторических событиях. Замойский счастливо избежал этой опасности. Его Петля — живой, «смышленый», шустрый парнишка, успевающий многое увидеть, узнать, кое в чем даже помочь взрослым, но всегда оказывающийся на «своем месте», всегда естественный (за исключением конца повести, когда он начинает принимать несколько резонерски поучающий вид).

Писатель изображает деревенские волнения 1905 года правдиво, со всем присущим им драматизмом. Тряпично кончается первая из повестей. Восстание крестьян разгромлено. Но события, развернувшиеся в селе, не прошли бесследно. Они посеяли зерна, которые взойдут...

Вот мы и в том же селе через 10 лет (повесть «Молодость»). Идет первая мировая война. Петр Назаров, раненный в руку, возвращается домой. Возвращаются и еще некоторые фронтовики, те, кого мы раньше знали мальчишками. Война, тяжелая окопная жизнь, общение с рабочими, революционеры многое научили их. Писатель убедительно изображает ту борьбу, которая вновь вспыхивает в деревне в период Февральской и Октябрьской революций, борьбу, закончившуюся установлением советской власти в уезде.

В «Полпаске» и «Молодости» писатель достиг той художественной правды, к которой настойчиво стремился. П. если в его ранних книжках было немало «сырых» фактов, если в романе «Лепти» (даже после плодотворной переработки, которую писатель предпринял для юбилейной «Библиотеки избранных произведений советской литературы») встречаются проходы, несвоевременные и герои, то в этих повестях продумано все до мелочей, строго отобрано наиболее значительное, наиболее важное, до конца «выщипано» то несущественное, что не помогает выявлению основной идеи.

Сохраняя национальный колорит народной речи, писатель вместе с тем окончательно освободился от тех диалектизмов, от той «серебряности» языка, которые ранее так много связывали качество его произведений.

Хочется надеяться, что П. Замойский не остановится на достигнутом, создаст новые значительные произведения о нашей деревне. Читатель жет их.

Стихи И. Фёфёра

Я познакомился с моим тогда еще будущим другом в самом начале двадцатых годов. Это было очень интересное время и в жизни и в поэзии. Свежие, сильные ростки советской литературы буйно пробивались из почвы народной, быстро разрастались и во всю шестелели своей неутомимой листвою. Вдохновляемая Октябрьем молодежь меньше чем на мировую революцию не соглашалась. И я не соглашался. И еще более упорно не соглашался Илья Фёфер.

Если обратиться к нашей поэзии того времени, то мы увидим, что молодые поэты не только считали дело мировой коммуны почти завершенным, но и поглядывали на соседние планеты для установления на них более совершенного и справедливого строя. Одним из самых темпераментных и мужественных вожаков этой поэтической молодежи был Илья Фёфер.

Мы — я и друзья мои (ныне покойные) поэты Михаил Голдный и Александр Ясный — познакомились с Фёфером в Харькове, в общешкольной ЦК ИЮ(ВУ). И тогда он, пусть и немногим старше нас, был уже боевым большевиком.

Шли годы. Мы все меньше кричали и все больше думали. Со временем все шире раскрывались творческие возможности нашего друга. Он оставил соседние планеты в покое и обратился к соседю — человеку. И он сумел заговорить с ним языком настоящей большой поэзии. Читая его стихи и видя, сколько мягкости и любви сумел он донести к людям! И вместе с тем его боевой темперамент нисколько не ослабевал. Читатель убедится в этом, прочтя хотя бы несколько стихотворений поэта, публикуемых здесь в переводе с еврейского.

Мое поколение по самому возрасту своему вступило в период поттери. Но нестарелая память о любимом поэте и друге, постоянство в наших привязанностях — дорогое приобретение.

Михаил СВЕТЛОВ

Небо родины!
Я знаю:
Если светят наши звезды,
То в смущенном меркнет небе
Над пространствами чужими,
Потому что этим звездам
Не дано сиять, как нашим,
Нам звездам в нашем небе —
Небо родины
Великой!

Небо, небо! В нашем сердце
Ясно твоего рассвета,
И в одежде вечер,
И величественный ветер,
Свежесте юных этих весен,
И нежнейший пламень лета,
И осеннего заката
Ароматная усталость.
Даже если ветер ночью
В колыхании черной тучи
Укачал твою тревогу
И на обалченных подушках
Чуть не все уснули звезды —
Все ж звезда на нашем небе,
Как лютая, пламенеет —
Не найти звезду такую
Под чужими небесами!
И когда во мраке тонут
Пять звезд небесной тверди,
Без звезд нас не оставит
Небо родины
Великой!

Перевод Л. Мартынова

1947 г.

РОДНОЕ ГНЕЗДО

Твое сердце — родное гнездо

Где укрыться могу от ветров и огня,
Где могу отдохнуть,
Где могу отойти к колыбе,
Где бродит мое
Еще не рожденное слово,
Пред тем, как отправиться в путь,
На битву готов!
Береги твоё сердце — мой верный
Приют —

От случайных гостей,
Что приходят и снова уйдут,
Чтоб, пыла, по дорогам брести,
Исходя из земных пут,
И встретились мне гнездо
В пестрых коврах,
Где алмазы, как звезды,
Сияя, пылуют в огнях.
Но когда, я напевы слагаю,
Вспоминаю я, твою, дорогую,
Понимаю я, что, душу губя,
Обираю и граблю себя.

И где б ни был, везде
Я отряхиваю прах
И стремлюсь к тебе —
К чистоте,
Что в твоём обитает гнезде,
Где
Я знаю, что я не в гостях!

Перевод Мих. Голдного

БЕРЕЗОВАЯ СЕМЕЙКА

Только вспомню я семейку эту
У шполянских речки, — предом мой
Вспыхнет детство, и, как ночью

К свету,
Вновь меня потянет к край родной,
К ней, к березовой семейке милой,
К ней, куда, где счастье пронеслось,
Где от млы сладко дух щемило,
Где стоят они, березы, врозь,
Только в виду — врозь; роднее

дружной
Все стоят они — и стар и млад.
И соседки перенять хотят
Их искусство жить; и лес окружный
С завистью на них уставил взгляд.

Мать с отцом стоят рядком, часами
Все шумят, возмущены без причины.
И в зеленой щегольской панаме
Вперед стелит их старший сын.
Вон и дядя — странная натура —
Головой кивает плечамым.
И кинется (не смехом ли нам!),
Как заправдашно шевелюрой,
Реденькой своей листовой. А там,
Та — дочурки, тонкие фигурки,
Словно только что сошли с картины
И, не зная, что пойдут на чурки,
Кланяются с видом балерин.

Забнут в белых фарфурных чашечках —
Ветер с них наряд вот-вот сорвет.
Их отец высок, он в два обхвата,
Самый бород, и всею он трясет.
Он такой, что не страшился бури.
Самый страшный враг его — пила.
Лишь блеснет, и он уж полон муры:
Не за ним ли это смерть пришла!
Смотрит мать на всех детей и рдеет:
Пьют не чай они, а зонный дождь.
Их она погладила б, как надо,
Да никак вот к ним не подойдет...
Только вспомню я семейку эту
У шполянских речки, — предом мой
Вспыхнет детство, и, как ночью

К свету,
Вновь меня потянет к край родной,
Перевод В. Назина
1940 г.

ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ

Заходит солнце за стогами,
Уходит день.
В твоих глазах играет пламя:
Уходит день!

На сад спускаются туманы,
Уходит день.
В закате яблони багряны —
Уходит день.

Раки тускнеют позолоты,
Уходит день.
Ступишь вечер к нам в ворота, —
Уходит день.

Леса очернивая чернью,
Уходит день.
Прильни ко мне, мой свет
Вечерний, —
Уходит день.

От рос отжалели кисти,
Уходит день.
Горят в луче последние листья, —
Уходит день.

Погас, как солнце за стогами,
Уходит день.
Но глаз твоих не меркнет пламя:
В них — новый день!

Перевод П. Карабана

Человек и события

Д. ПОЛИТКО

У нас написано немало книг о партизанском движении в Великой Отечественной войне. Нет нужды особенно подробно перечислять их: книги Фадеева, Лынькова, Бершгигора, мемуары Ковпака, Козлова, Федорова, Лынькова и многих других — у всех в памяти.

Для послевоенной советской литературы тема народной, партизанской войны — одна из наиболее популярных. Активнее других — и это естественно — разрабатывали эту тему писатели тех республик и областей, где во время войны широко было развернуто партизанское движение. И до сих пор выходит немало произведений о тех незабываемых днях, о великой самоотверженности и смелости мирных, волею же обученных людей, ставших на защиту Родины, советского строя, советских идеалов, о руководителях и организаторах партизанского движения — коммунистической партии. Подвиги советских партизан, народных мстителей, будут вызывать восхищение и гордость и последующих поколений.

Взятые вместе, произведения о народной войне в тылу врага дают представление о ее грандиозном размахе, ее массовости, о колоссальной организаторской работе коммунистической партии, о сложности событий. Эти произведения полны патристическим пафосом, они раскрывают истинный героизм советских людей и силу их организованности.

Но перечитывая нашу «партизанскую» библиотечку сегодня, когда впечатления отстоялись, когда многие исторические факты и обстоятельства прояснились, явственно ощущается художественная слабость литературы о партизанской войне. Недостатки и слабости эти не сводятся, разумеется, только к тому, что преобладающим жанром попрежнему продолжают оставаться бездарнопарированные «записки участника». Это может быть против хроникальных, от первого лица, записок о боевых днях партизанской войны? При всей бедности и схематичности изложения, при всем, в большинстве случаев, невысоком литературном уровне они сыграли и будут еще играть большую роль в коммунистическом воспитании трудящихся, и прежде всего молодежи.

Интересно задуманные произведения получают композиционно неслаженными, лишены художественного обобщения, такого размаха, как, например, «Молодая гвардия» А. Фадеева. Нужны рассказы, баллады, поэмы, повести, романы, драмы и трагедии о партизанах, не уступающие по идейно-художественным достоинствам лучшим произведениям нашей литературы, нужны истинно художественные памятники героизму народной войны.

Многое уже сделано, но еще больше предстоит сделать для того, чтобы создать на этом материале художественный образ народа, борда за социалистическое Отечество, причём сделать так, чтобы советское, социалистическое в людях раскрылось не в декларациях, а в живых характерах изображаемых героев. Яркое, художественно должно быть раскрыто и величественная масса партии. Ведь особенно обильно вместо полнокровных, живых образов коммунистов — людей, душевно и интеллектуально богатых, людей, чья жизнь вдохновлена великими идеями коммунизма, — встречаются скучные, похожи друг на друга схем.

Нас радует появление каждой новой работы о партизанской борьбе. Но и в том явлении, что вышло из печати, господствует общий недостаток книг такого рода: нет правильного художественного соотношения между раскрытием человека и изображением событий. Иначе говоря, «героем» этих книг — на широчайшем фоне исторических событий — по сей день выступает слабо индивидуализированный, а потому схематичный человек. Если эта слабость как-то оправдывается в жанре исторической хроники, то она не может быть признана нормальной в художественном эпосе, задаче которого является постижение и раскрытие человеческих характеров и только через них смысла исторических дел и событий.

«Масштабность», покаятая как обилие событий, часто приводит к тому, что даже

художественно глубокого изображения народа в бездарирированной хронике.

Интересно замечание Н. Муратовым в начале романа «Кодры» образы секретаря укома, руководителя партизанского отряда Кожухара, Василья Даринку, его детей — Наташи, Андрея, Иланы и многих других в последующих частях романа ничем существенно не дополнены. С хроникальной безгласностью обзавелась жизнь советского тыла, его трудовые и жилищные будни; кинематографически стремительный темп повествования часто переходит прямо-таки в «хроникальный галоп».

Видно, что Н. Муратов задумывал эпическое повествование о партизанской войне в модаевских лесах, в кодрах, олицетворяющих сердце и душу непокоренной и непокоримой Советской Молдавии. Но хроникальный, фрагментарный многих глав, излишне обилие газетной публицистики, разбавление в ней единого стройного сюжета серьезно помешали писателю.

В отсутствии ясного сюжетного центра, связанного с судьбой человека, влчм мы находимся в суждении о многих выходящих сегодня произведениях о партизанской войне. С этой точки зрения нам кажутся «типическими» во всех отношениях повести М. Наумова «Стенной рейд» и Г. Щербатова «Есть на свете Москва».

В них отразились и сильные и слабые стороны «партизанской» литературы: много новых интересных фактов из боевой будней партизанской войны и отсутствие по-настоящему художественного их обобщения.

М. Наумов располагает прекрасным материалом, он мог бы ввести читателя в мир больших характеров и человеческих отношений. Интересные судьбы людей, каждая из которых могла стать содержанием великодушного романа или повести, заслоняются, однако, «стенным рейдом». Мы не успеваем сосредоточиться на судьбах Феди Лобача, Володи Туркова, радистки Ани, покаять их характеры, а автор ведет нас по степи, через горячую бол и сложные переправы — все дальше и дальше. Они повторяются, заменяют друг друга, а люди — партизаны, командиры и политработники — прохлзает перед читателем какой-то однообразной массой. Они подавляют

и зализать помещицы поля и усадьбы. Жизнь, сама жизнь толкает крестьян на единственно правильный путь — путь борьбы за свои права, за землю, за правду. Самые различные люди втягиваются в эту борьбу, начиная с бывших фронтовиков, участников русско-японской войны, и кончая старым пастухом Федором. Герои раскрываются в острейших столкновениях с представителями властей, в замечательных написанных массовых сценах (особенно впечатляюща сцена сбора ползателей и недоимок, а также выматывание карателей над мужиками). Активными борцами за землю, за справедливость становятся крестьяне, руководимые Харитоном — революционером, связанным с рабочими, с большевиками. Мы видим, что революция пробуждает сознание самых отсталых, самых забытых мужиков.

Главный герой книги — подпасок Петля Назаров — растет, развивается на наших глазах, вместе с ходом событий. Его воспитывают жизнь, революция. Петля настойчиво тянется к знаниям, к свету, он упорно стремится познать, почему беднякам земли «не хватает», в то время как у барина — обширные поля, которые могли бы прокормить не одно село; старается уяснить себе, что такое «вода», и т. д. и т. п. Он проникается большим доверием к Харитону, жадно ловит каждое его слово, всеми силами помогает ему и другим «бунтарям».

Сделав главным героем книги о революции 1905 года подростка, от лица которого и ведется повествование, П. Замойский поставил перед собой сложную художественную задачу. Ведь при такой роде форма зачастую получается так, что писатель, «увлеченный» своим юным героем, заставляет его играть неминуемо значительную роль в совершающихся исторических событиях. Замойский счастливо избежал этой опасности. Его Петля — живой, «смышленый», шустрый парнишка, успевающий многое увидеть, узнать, кое в чем даже помочь взрослым, но всегда оказывающийся на «своем месте», всегда естественный (за исключением конца повести, когда он начинает принимать несколько резонерски поучающий вид).

Писатель изображает деревенские волнения 1905 года правдиво, со всем присущим им драматизмом. Тряпично кончается первая из повестей. Восстание крестьян разгромлено. Но события, развернувшиеся в селе, не прошли бесследно. Они посеяли зерна, которые взойдут...

Вот мы и в том же селе через 10 лет (повесть «Молодость»). Идет первая мировая война. Петр Назаров, раненный в руку, возвращается домой. Возвращаются и еще некоторые фронтовики, те, кого мы раньше знали мальчишками. Война, тяжелая окопная жизнь, общение с рабочими, революционеры многое научили их. Писатель убедительно изображает ту борьбу, которая вновь вспыхивает в деревне в период Февральской и Октябрьской революций, борьбу, закончившуюся установлением советской власти в уезде.

В «Полпаске» и «Молодости» писатель достиг той художественной правды, к которой настойчиво стремился. П. если в его ранних книжках было немало «сырых» фактов, если в романе «Лепти» (даже после плодотворной переработки, которую писатель предпринял для юбилейной «Библиотеки избранных произведений советской литературы») встречаются проходы, несвоевременные и герои, то в этих повестях продумано все до мелочей, строго отобрано наиболее значительное, наиболее важное, до конца «выщипано» то несущественное, что не помогает выявлению основной идеи.

Сохраняя национальный колорит народной речи, писатель вместе с тем окончательно освободился от тех диалектизмов, от той «серебряности» языка, которые ранее так много связывали качество его произведений.

Хочется надеяться, что П. Замойский не остановится на достигнутом, создаст новые значительные произведения о нашей деревне. Читатель жет их.

убедительного раскрытия ее закономерностей. В сюжете человек и событие внутренне неразрывны. В данном же случае влияние автора сосредоточено на внешней стороне характеров и внешнем сцеплении событий. Отсюда обилие общих мест и мотивов, так знакомых уже по ранее написанным произведениям об Отечественной войне и партизанском движении. Кому не известен, например, образ изверга-гитлеровца, считающего себя психологом и являющегося не умеющего понять психологию советских людей? (Заметим, кстати, что о тягчайших преступлениях гитлеровцев повествуется подчас суето-констатирующе, не через душу героев. Авторы как бы забывают: то, что нормально и естественно для информационного свода, противопоставлено художественной литературе). Кто из читателей, далее, не припомнит и других знакомых образов-штампов, встретив еще одного старосту — пособника оккупантов, бывшего кулака (он же мародер), или смелую партизанку, мысленно обрабатывающую к воину-мужу: прости, что не сохранила твоего ребенка, или вселяющего и всевидящего старого партизана, который, как Иван Сусанин, заманивает оккупантов в лесную западню, и т. д. и т. д.

Все это, разумеется, было в жизни, но все это было и в десятках других произведений. Каждое последующее художественное произведение в таком ряду неизбежно проигрывает. Если опубликованные вскоре после войны мемуары Г. Лынькова были встречены, несмотря на их художественные слабости, с интересом, то одна из последних книг — «Записки десантника» П. Золотаря — настораживает и угнетает; невольно думаешь: все это уже было в других записках, мемуарах, повестях.

Эстетическое осмысление событий через индивидуальность судьбы людей — это то, чего недостает нашей литературе о партизанской войне. А только при таком осмыслении писатели смогут создать художественно совершенный образ советского народа, образ партии — организатора и руководителя народной партизанской борьбы за социалистическое Отечество.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 76 28 июня 1956 г. 3

Дорис ЛЕССИНГ,
английская писательница

К ЮГУ ОТ САХАРЫ

Английская писательница Дорис Лессинг — член писательского объединения «В защиту мира» — провела в Африке свыше двадцати лет. Ее первый роман «Трава пощады» (1950) и сборник рассказов «Некоторые из нас» (1951) посвящены жизни африканских народов. В настоящее время писательница работает над романом под названием «Дети насилья». Вскоре этого года Дорис Лессинг совершит поездку в Африку.

1. Полет над Африкой

...Лететь над Африкой — значит видеть ее такой, какой она есть... — пустым континентом. Летя по прямой линии на юг, на протяжении сотен миль видишь только леса, горы и озера, огромные пространства холмистой, заросшей травой и утыканной джунглями земли. Самолет, как крохотная мышь, летит над Африкой, покоем на спящем на солнце черном континенте.

Через каждые четыре-пять часов приземляемся в городках: Капр, Хартур, Энтебе, Найроби. В Найроби начинается «белая» Африка. В Кении дикий самолет, облетающий места, интересные для туристов, сказал: «Посмотрите направо, перед вами Абердере-лес. Теперь вам ясно, почему у нас ушло столько времени, чтобы очистить эти места от Мау-мау. Только что опять вывели целую ораву. Везде измором. Проканителес шесть недель». Это было сказано весьма развязно и небрежно. В самолете летели два африканца, державшие себя спокойно (это был иждивенческий самолет, и поэтому члены на их местах должны были потом подвергнуться специальной обработке), но дикий облетавший нас самолет, это была «белая» Африка, где можно говорить об охоте на черных людей, словно речь идет о стае царя.

В аэропорту в Найроби два вида вывальных — на одной вывеска: «Уборная европейского типа», на другой: «Уборная неевропейского типа». Еще недавно они назывались: «Только для европейцев» и «Только для неевропейцев». Слово «тип» как бы намекает на то, что «неевропейцы» предпочитают пользоваться «своей», особой утилитарной, «Пестрой барьер» в «белой» Африке приобрел оборотный характер.

Белые перешли к обороне: их так мало. В Южно-Африканском Союзе белых свыше двух миллионов — это более половины белого населения всей Африки — и десять миллионов африканцев, причем в «цветных» (в этой части мира слово «цветной» означает человека смешанной крови). В Центральной Африке, территории которой больше всей Северной Европы, проживают двести тысяч «европейцев» («европейцами» называются лица, имеющие белую кожу, а в Южной Родезии, по неизвестным причинам, сюда же относятся китайцы) и семь миллионов людей с темной кожей.

Пустой континент... Неразвитый, но очень богатый. Летя над ним, видишь его деление: искусственные перегородки, случайные последствия белого завоевания, исчезают. Когда-нибудь Африка снова станет единой: я мысленно вижу, как она наполняется высокими, горными, нагроможденными светом горами — горами, которые должны расти вымы, к небу. Маленькие пригородные виллы, создания «белой цивилизации», в которых выражены все ее узкий провинциальный дух, — это оскорбление для такого неба, такого необозримого горизонта. Я представляю себе, как растапливающиеся виллы обильные пустые пространства, поросшие травой, покрываются рваной, наполненной народом. На реках выступают плотины, озера ужогаются, новые леса будут впитывать влагу: сухой континент не позволит больше, чтобы каждый сезон дождей смывал в океан его богатую землю.

Здесь, должно быть, самый прекрасный мир в мире. Почти круглый год над землей высокое ясное небо, без дождей; жар-

кие солнечные дни и прохладные звездные ночи. Здесь солнце регулирует жизнь разрозненных циклов, не так, как в Лондоне, где оно сияет уже в 4 часа дня или в 11 утра только показывается из-за горизонта, бросая косые лучи сквозь белую завесу тумана.

Над равнинами Эфиопии был такой восход солнца, какого я не видела уже много лет. Большое прохладное чистое небо слегка осветилось над краем черных гор; красные и желтые полосы взошли с востока; из ночного мрака стал возникать ландшафт. Внизу под нами на растоянии нескольких тысяч футов свернула вода. Несколько секунд красота собралась, пулы сверкала: солнце, как теплые светящиеся пауки или как белая жемчужина, висело за краем гор; вдруг оно надилось, стало красным, перекатилось через горизонт и пошло по небу. Я знала, что в это время далеко внизу, как только трава медленно распрямилась, длинные столбы и высшие на них капли росы жались и высохли, уже звучал птичий оркестр: что в деревнях из сиританых из деревьев глиняных хижин африканские крестьяне с первыми лучами солнца уже отправились пасти скот или обрабатывать землю.

Эти деревни — древние племенные поселения Африки: но даже на большом растоянии от городов они несут на себе отпечаток власти белых. Молодежь почти отсутствует. Большинство ее зарабатывает свой хлеб на фабриках и рудниках, принадлежащих белым. Деревни удалены от библиотек, газет, даже от радио. Современные идеи доходят сюда лишь с теми, кто возвращается домой после года или двух лет работы.

Даже в более индустриальной Южной Африке африканские корни африканской жизни все еще остаются в деревне. От «цветного барьера», от полицейских, от законов о пропусках, от муштры в городах белых человек возвращается домой, к кучке глиняных хижин среди деревьев, к старикам, женщинам и детям. Он снова встает вместе с солнцем и ложится на закате, кроме вечеров, когда он танцует при лунном свете под звук барабана у костра. Почти по всему континенту африканцы все еще наполовину привязаны к племенным традициям, а наполовину превратились в продукт современной индустриализации. Но и в той и в другой среде они живут в такой глубокой нищете, что жизнь их представляет собой постоянную борьбу за удовлетворение минимальных потребностей.

Если бы хоть половина тех богатств, которые ежегодно выкачивают отсюда гигантские компании, расходовалась здесь же, как бы скоро все это изменилось! Ведь застойное нищенское существование доколониальной деревни смогло быстро преобразиться в Советском Союзе и в Китае... Если бы... но легко мечтать, сидя в самолете, охватив взглядом целую страну, подобно некоему божеству.

В Лусака, столице Северной Родезии, наши два африканца сошли с самолета. Они студенты одного из английских университетов. Сейчас они должны вернуться в африканский город с расовыми перегородками, с полицейской властью и отчаянной нищетой. Здесь, на их родине, самый отсталый и нежизнеспособный белый может обратиться с ними, как с собаками.

В Лусака признание прогресса может служить такой факт, что некий белый построил отель без ограничений для «цветных». Однако он просит африканцев, обслуживающих систему, заставляющую делать подобные вещи, ходить к нему пореже, так как иначе он рискует потерять все белую клиентуру.

Орландо Шелтер (Иоганнесбург) — африканское поселение

В Лусака существует и «межрасовый» клуб: он находится под постоянным надзором белой прессы: как же — это собрание белых и черных служит расовым бунтарским идиотам! При всем том его существование само по себе уже является прогрессом. Это — лучший клуб на всех учреждениях подобного типа в Центральной Африке.

Либералы здесь годами борются за отмену какой-нибудь одной репрессивной статьи в законе; годами добиваются создания такого клуба. В клубе можно играть в пинг-понг, в теннис, в шахматы. Существует бар, торгующий вином и пивом. — африканцы в Северной Родезии не имеют права пить спиртные напитки. Танцевать бывает: танцы означали бы физическое соприкосновение, а это могло бы наказать общественное мнение белых настолько, что произошло бы скандал. Мне часто приходилось слышать: «Рад бы, молчите о том, что представляется нашим африканцам, иначе фанатизм среди белых взорвется, и тогда всему копей!»

Я задумалась целью выяснить, что же «представляется» африканцам такое, чего они прежде не имели. У меня был план поехать в Южно-Африканском Союзе, а потом проехать по Центральной Африке, отмечая разницу — если обнаружится какая-нибудь разница — обеих систем. Поэтому я отправилась на самолете прямо на юг, в Южно-Африканский Союз. Последний раз я была там в 1949 году, вскоре после того, как партия националистов пришла к власти. Мне было известно, что никакие коренные изменения с тех пор не произошло. Фундамент для Малама и Стрейтсма был заложен Смитом: на его основе создали политику «апартеида». Но националисты довели расистскую политику до предела. Как мне известно из писем друзей и из газет, Южная Африка превратилась в страну террора и нищеты.

Я пробыла в Южно-Африканском Союзе всего пятнадцать минут. Как только я прибыла, мне сообщили, что въезд мне запрещен, и под надзором полиции я была доставлена обратно к самолету, на котором я прилетела. Это было очень лестно, но огорчительно. У меня в Южно-Африканском Союзе много друзей, которым не разрешают выезжать из страны, и может быть, пройдут годы, пока я с ними увижусь. Так я и не смогла увидеть своими глазами, что там происходит, и должна полагаться на рассказы других. Остаток времени я провела в Центральной Африке, но так как невозможно повять развитие событий там без некоторого представления о Южной Африке, я попытаюсь вкратце рассказать о Южной Африке, а попытаюсь вкратце рассказать о Южной Африке, а попытаюсь вкратце рассказать о Южной Африке.

ЛОНДОН, июнь

Запрещенные выставки

Благая мысль пришла в голову деятеля Информационного агентства США — познать зарубежного зрителя с творчеством лучших американских художников XX века. Пусть даже заманчивая выставка по образу многих прежних мероприятий Информационного агентства преследовала кое-какие тайные политические цели, например, завоевание симпатий зарубежной общественности. При всем том эта выставка, широко представляющая изобразительное искусство Америки, оказалась бы полезным вкладом в дело культурного сближения народов.

Многие художественные организации США, в частности «Американская федерация искусств», охотно поддержали инициативу Информационного агентства.

И вдруг все пошло наперекосяк. Выставку отменили. Что такое? Почему? Некоторые художники оказались неприемлемыми для организаторов выставки. Может быть, эти мастера не владеют искусством композиции или хромают, хромота, как высказалось, например, Чинквини. Информационное агентство взяло под сомнение «политическую лояльность» десяти художников, чьи картины в числе прочих предполагалось демонстрировать за рубежом.

Естественно, члены «Американской федерации искусств» возмущались. Мы не согласны с политической проверкой художников, заявили 42 почетных члена федерации. Они единодушно приняли решение не участвовать в выставке, если какие-либо картины будут запрещены. Пытались возразить «охотников за ведами» из Информационного агентства, члены федерации напомнили им слова президента Эйзенхауэра о том, что «свобода искусства — это основная свобода». Но даже читая из выступления президента не побоялись на убежденных борцов с «подлым искусством».

Они остаются непреклонными. К сожалению, история эта не уникальна. Другая выставка, под названием «Спорт в искусстве», предназначавшаяся для отправки в Австралию, также была отменена. Мотивы все те же: политические обвинения, выдвинутые против некоторых художников, заподозренных в «нежелательности».

В «Нью-Йорк таймс» журналист Льюис, доказывая по причине побуждений сверхбдительных чиновников отказаться от подготовленных ими самими культурных мероприятий, указывал: «Известно, что страх перед критикой в конгрессе сыграл важную роль». Иными словами, боязнь прогневить расследователей из конгресса оказалась сильнее даже, чем желание завоевать симпатии зарубежных ценителей искусства.

Отказ демонстрировать в других странах произведения американских художников — это не политический взгляд, а политический, представляющий западную оторванную безрассудного маккартизма.

КРЕПИТЬ СОВЕТСКО-ИРАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

История русско-иранских культурных связей своими корнями уходит в глубокое прошлое. В те времена эти связи носили в большинстве случаев эпизодический характер.

Однако с начала XIX века, когда политические и экономические отношения России и Ирана значительно расширяются, появляются необходимые условия для развития более или менее постоянных культурных и литературных связей. В Иране наблюдаются попытки переводить с русского языка исторические произведения, в Тавризе появляется первая печатная машина, завезенная из России. В Петербурге, Москве, Казани, Тифлисе любители восточной словесности увлекаются замечательными образцами классической персидской поэзии.

Кто из нас не знает прекрасного стихотворения А. С. Пушкина, написанного в 1829 году:

Не пленялся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахской толпой.
Знаю, смерть тебя не встретит
Азранд, среди мечей
Красоту твою заметит —
И пощады будет ей!
Но юность, средь сражений
Ты утратишь навсегда!
Скорость обую движенья
Прельст негра я стыла!

Это стихотворение озаглавлено «Из Гадиза».

После Пушкина дань своего восхищения персидской поэзией отдали многие другие русские поэты. Яркими из них являются Фирдоуси — а. что бы сказать о зинчическом наследии иранского и таджикского народов — печатаются в различных русских газетах еще в первой четверти XIX века, «Голестан» Сади дважды выходит в русском переводе — в 1857 и 1882 гг.

В свою очередь иранские литераторы проявляют глубокий интерес к творчеству русских писателей, в частности к творчеству Л. Н. Толстого. — ряд его ранних рассказов был переведен в 1908—1914 гг.: Н. В. Гоголя — в 1912 г. в Тегеране был переведен на персидский язык и поставлен на сцене «Ревизор» А. М. Горького, рассказ которого «Часы» был переведен в 1911—1912 гг.

Значительно оживились литературные связи, подлившись интерес Ирана к русской литературе и в России к персидской литературе после Великой Октябрьской революции.

Советский читатель познакомился с образом современной персидской поэзии — на русский язык был переведен двухтомный роман Мошфека Каземи «Страшный Тегеран». Перед нами во всех деталях предстал Тегеран начала 20-х годов, в котором бесчинствовала надвигавшаяся власть, впоследствии сметавшая волна народного движения. На русском языке появились также остроумные юмористические рассказы «Были и были» Дамеда-заде — писателя, который ситается в Иране одним из основоположников современной поэзии.

Чтобы быть до конца объективными, мы со всей откровенностью должны заметить, что в тридцатые годы, особенно перед второй мировой войной, в советско-иранских отношениях имелись некоторые моменты, затруднявшие наши культурные и литературные связи. Однако и в этот период интерес советской общественности к иранской литературе классическому наследию, так и к современной персидской литературе не снижался. Достаточно сказать, что в 1935 году в Ленинграде проходил III международный конгресс по иранскому искусству и археологии, к открытию которого было опубликовано большое количество переводов персидских классиков и научных работ. В 1934 году торжественно отмечается юбилей Фирдоуси.

В свою очередь, в Иране широко отмечались юбилей Л. Н. Толстого в 1928 году, А. С. Пушкина — в 1937 году, дни памяти А. М. Горького — в 1936 году. На заседаниях, посвященном памяти А. М. Горького, присутствовало около

700 писателей и литераторов, а также депутаты меджлиса.

Героические усилия советского народа в Великой Отечественной войне вызвали восхищение иранцев. Многие талантливые персидские писатели стали друзьями Советского Союза, посвятили свои произведения борьбе Советской Армии против фашистской Германии. Среди них был крупнейший персидский прозаик Садек Хедаят, написавший еще в дни Сталинградской битвы прекрасную оптимистическую сказку «Живая вода», в которой предсказывал победу над черными силами фашизма.

Знакомство с советской действительностью и советской литературой помогло писателю Бозоргу Алави стать на пути борьбы за социальные преобразования в Иране.

Передовые идеи, реалистическое отражение жизни, непоколебимая воля к борьбе за лучшее будущее и гуманизм, присущие советской литературе, — все это привлекало внимание иранского читателя.

В укреплении литературных связей большую роль сыграло участие советских писателей А. Суркова, В. Игера и Дадаш-заде в Первом съезде иранских писателей, состоявшемся в Тегеране в 1946 году.

Советские писатели познакомили делегатов съезда с достижениями советской литературы. В свою очередь, писатели и литераторы Бозорга Алави принимали участие в работе Второго всеююзного съезда писателей в Москве в 1954 году. Поэты Али Аскер Хейма, Мохаммед Афшари, персидский режиссер и актер Хейр-хасан совершили большое путешествие по Советскому Союзу, побывали в Москве, Ленинграде, Сталинграде, в Грузии.

И все же ни советские, ни иранские деятели культуры не могут быть этим удовлетворены. В Иране сейчас выходит значительное меньшее количество произведений русской классической и советской литературы и критических статей, чем в сороковые годы. Прекратилось издание журнала «Пеймане ноу» («Новый вестник») — орган Общества культурных связей Ирана с Советским Союзом. Советский читатель еще не получил на русском языке сборника стихов современных персидских поэтов, а вышедшие в 1955 году на русском языке персидские рассказы недостаточны, всесторонне характеризуют состояние персидской поэзии.

Вместе с тем в современной персидской литературе происходит весьма интересные процессы, заслуживающие внимания нашего читателя.

В персидской поэзии сейчас можно отметить самые разнообразные направления. Мы встречаем таких поэтов, как Мехди Хамиди, в лирике которого чувствуются глубокие философские размышления; Мехди Сохейли, давшего хорошие образцы юмористических стихотворений, представляющих собой нечто новое для персидской литературы. Наконец, мы сталкиваемся с целой плеядой поэтов во главе с Нима Юшиджем, которые впервые в истории персидской поэзии вводят «новый стих» (по существу, белые стихи), идущий вразрез со всеми нормами традиционной персидской метрики.

Различные течения наблюдаются и в прозе. Писатели Бозорг Алави, Садек Чубак, Бехзади и другие ставят своей целью во всей полноте показать жизнь различных слоев общества. При этом они используют различные методы. Писатели Мохаммеда Хедаята глубоко интересуются положением женщины в современном иранском обществе. И хотя писатель не всегда, по нашему мнению, приходит к правильным выводам, его исследования заслуживают внимания. Представляют интерес и многочисленные романы Джавада Фазеля, кто писатель нередко решает поверхностно серьезные социальные вопросы.

Надо полагать, что наши издательские организации в ближайшее время проявят должный интерес к современной персидской литературе.

А. ШОЙТОВ

Читатели «Литературной газеты» о творчестве Э. Л. ВОЙНИЧ

Е. ТАРАТУТА

Недавно, 11 мая этого года, замечательная английская писательница Э. Л. Войнич отметила в 92-й раз день своего рождения. «Это счастливый день», — пишет Э. Л. Войнич автор этих строк — в письме от 11 мая 1955 года объясняет в этот день она получила поздравительное письмо и две поздравительные телеграммы из России. «Итак, вы видите, это вполне русский день рождения», — добавляет писательница.

92 года! Какая долгая, богатая событиями жизнь! После шума, вызванного ее первой книгой — романом «Овод», когда буржуазная пресса Америки обрушилась на молодую писательницу за «пошлость» и «боготушество», к концу жизни она оказалась в полном забвении. А между тем книга ее жила своей особой, блистательной жизнью. Нет в Советском Союзе человека, который не читал бы «Овода», не любил бы его героя!

И вот только в прошлом году Э. Л. Войнич узнает о колоссальной популярности ее книги в СССР. А советские читатели узнали, что автор их любимой книги живет в Нью-Йорке и полон дружеского расположения к ней и к нашей стране.

Благодаря усилиям советских литературоведов и писателей с Э. Л. Войнич теперь установилась тесная, дружеская связь. Постоянно удивительно, легендарная судьба этой писательницы.

Дочь английского профессора математики, молодая музыкантша, восхитительное мужество и героическая борьба русских народовольцев, принята в ней самое деятельное, самое горячее участие.

Знакомство с русскими политическими эмигрантами, с писателем С. М. Степняком-Кравчинским, который принадлежал к блестящей плеяде революционеров 70-х годов, сыграло решающую роль в ее жизни. Под влиянием Степняка она поехала в Россию. Там, живя в Петербурге, она познакомилась с народолюбивыми, носителями революционных идей, она перевела на русский язык ряд произведений русских революционных писателей.

Э. Л. Войнич была хорошо знакома с выдающимися русскими революционными деятелями — Г. Плехановым, В. Засулич, П. Кропоткиным и многими другими. Немало сделала Э. Л. Войнич для привлечения английского общественного мнения к освободительной борьбе русского народа. Она была членом исполнительного комитета английского «Общества друзей русской свободы», организованного Степняком, и работала в редакциях журнала этого общества — «Свободная Россия», редактируемого Степняком. Ф. Энгельс высоко оценивал деятельность Степняка в этой области. В 1890 году он писал из Лондона В. Засулич в Женеву: «...возбуждавшееся среди английских либералов антирастительское движение представляется мне чрезвычайно важным для нашего дела; очень удачно, что Степняк здесь и имеет возможность его поддерживать».

Под влиянием Степняка Э. Л. Войнич стала переводить произведения русской литературы на английский язык. Его переводы произведений Гаришина, Гоголя, Шелкина, Достоевского, Г. и И. Успенских, Островского, Лермонтова и других. Знакомства она англичан и с украинской литературой: переводила стихотворения Шевченко, написала о нем биографический очерк, переводила украинские народные песни. Находясь в атмосфере русской револю-

ционной борьбы, под прямым воздействием и влиянием Степняка, Э. Л. Войнич решила испытать свои силы в самостоятельном литературном творчестве. В 1894 году она начала писать свою первую книгу. И не случайно, конечно, это была книга о борьбе за свободу, о революционном. В 1897 году роман «Овод» появился в свет.

Русские литераторы еще несколько десятилетий назад считали, что прототипом Овода были русские революционеры; современные польские исследователи устанавливали прямую связь образа Овода с деятелем польской социально-революционной партии «Пролетариат», несомненно, что многие индуст от этого образа к деятельности итальянского национально-освободительного движения.

Перед нами стоит задача раскрыть, как сложился этот противоречивый и в то же время цельный образ положительного героя, время с большой буквы, образ революционера интернационального типа.

В высшей степени актуальной, злободневной является основная идея романа: противопоставление образа революционера образу Христа. Своим романом Э. Л. Войнич провозглашает величие полнота революционера: не Христос спасет мир и даст людям свободу и счастье, а революционер. Не в смиренном спасении человечества, а в борьбе!

«Главная причина всех наших несчастий и ошибок», — говорит Овод, — душевная болезнь, именуемая религией... религия — это направление ума, это потребность человека создать себе фетиш и обоготворить его, пасть или перед кем-нибудь и поклоняться кому-нибудь. Кто это будет? — Христос, Будда или дикий тотем, не имеет значения».

Нельзя не отметить, что перу Э. Л. Войнич принадлежит еще четыре романа. Темы борьбы за свободу, темы революции пронизывают все творчество этой замечательной писательницы. Через три года после опубликования «Овода» Э. Л. Войнич выпустила второй роман — «Джек Реймонд». Это страстный обвинительный документ против лицемерия, жестокости и бесчеловечности служителей церкви. Искалеченный и физически и духовно своим дядей-священником, мальчик Джек обретает душевное равновесие с помощью вдовы польского революционера, погибшего на царской службе. Джек становится врачом и отдает свои силы на служение народу — лечит детей городской бедноты. Гневный, обличительный пафос писательницы, направленный против изощренной жестокости священника, ярко контрастирует с поэтическим прославлением высокого гу-

манизма истинных друзей народа — революционеров.

Среди проблем, поставленных в этом романе, обращает на себя внимание проблема таланта и самоотверженного служения революции. Мы знаем по историко-революционным мемуарам (см., например, «Записки революционера» П. А. Кропоткина), как остро эта проблема стояла перед русской революционной интеллигенцией: или служение революции и пренебрежение своим талантом или развитие таланта и отход от общественной деятельности; совмещение того и другого невозможно. И если в «Джеке Реймонде» проблема решается в пользу таланта, — вдова погибшего польского революционера страшится подвергнуть такой же участи своего сына, талантливого музыканта, — то в сентиментальном произведении Э. Л. Войнич — «Оливия Лиз» (1904 г.) — эта проблема уже разрешена в пользу революции. Гениальный юноша Владимир Дамаров бросает занятия живописью и скульптурой и отдает свою жизнь революции. Тюрма, чехарка, скитания, снова тюрьма и смерть в тюрьме. Но, несмотря на то, что он хорошо знает, что его ожидает именно такая судьба, а не иначе, он не уходит с этого пути.

Некоторые сцены в романе, рисующие жизнь русских революционеров, изображающие издевательства полиции, написаны с такой потрясающей силой, с таким гневом и страстью, что их можно отнести к лучшим страницам революционной литературы. Что касается изображения жизни русских и польских эмигрантов в Англии, то, насколько нам известно, «Оливия Лиз» является единственным произведением художественной литературы, касающимся этих тем.

В 1910 году Э. Л. Войнич снова вернулась к своему первому герою: она написала роман «Превращение Овода», в котором освещены годы скитания Овода в Южной Америке (у нас этот роман выходил под названием «Овод в изгнании»).

В 1944 году восьмидесятилетняя писательница закончила роман «Сними обувь твою» — о предках Овода. Пытаясь объяснить читателю столь необычайный способ раскрытия судьбы своего героя, Э. Л. Войнич в предисловии к своему последнему роману (он не переводился на русский язык) пишет: «Хотя «Сними обувь твою» и является законченным произведением, он должен был бы быть начальной для семейной хроники, охватывающей четыре поколения. Но цикл, который был моим спутником в течение всей жизни, не осуществился в хронологическом порядке».

Роман «Овод», действие которого происходит в Италии в течение трех политических и духовных конфликтов, вершины которых была революция 1848 года, был опубликован в 1897 году, когда я еще мало знала о предках моего героя, но долго ожидала.

«Превращение Овода» (1910 г.) посвящено эпизоду из жизни того же лица.

В 1911 году я бросила писать, чтобы посвятить себя композиторской деятельности. Две промученные последние недели жизни, юные и девушечьи, которые в данной книге появляются как дети и подростки, и другая — ее дочери, которая уехала в Италию и стала матерью Овода, — из-за этого остались не написанными. Заметки, касающиеся их, приложены к этому тому.

Так моя мысль после двух попыток обрисовать умственный опыт и эмоциональные реакции воображаемого лица и после этого сосредоточенная в продолжение около 25 лет на музыке, в конце концов вернулась, чтобы проследить корни происхождения этого несуществующего лица. Эта бумажная процедура непонятна мне самой, более чем кому бы то ни было. Если бы меня спросили, почему, приближаясь к концу жизни, я снова вынуждена была заняться этими давно умершими английскими предками итальянского заговорщика, которые для него самого были не больше чем имена из далекого прошлого, — одна о я могла бы ответить только, что я вынуждена была так поступить, и о причинах этого я знаю не больше, чем о процессе влияния детей воображения на их создателя.

Я знаю только, что эти и другие бестелесные создания — один в виде образов людей, другие в виде музыкальных звуков — прошли через всю мою долгую жизнь, пришла и ушла, не прощаясь, и я лишь влеклась за ними.

Многие люди в разное время и в разных странах выражали желание знать, почему Овод думал, чувствовал, действовал так, а не иначе. Теперь, когда я оглядываюсь назад, мне ясно видно, что некоторые противоречия, которые озадачивали или совершенно справедливо раздражали их, были, действительно, моими ошибками. Эти ошибки простительны, потому что неопытность, нечеткость зрительных представлений или слабой техники молодого автора, преодолевающего трудности первой книги. Но другие противоречия и теперь еще представляются мне действительно приращенными, происходящими из самой душевной сути человека, как я его понимаю.

Частичное объяснение этих противоречий, какое может быть найдено в этом запоздалом и неполном отчете о его наследственности по материнской линии, так долго ожидала.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Г. ГУЛИЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, раздачи: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренняя жилая — К 4-06-05, международной жилая — К 4-03-48, отелы: литература городов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-06-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутиатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б0141.